

С.А. Смирнов (Новосибирск)

**МОЁ ФИЛОСОФСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
(ТРИНАДЦАТЬ ТЕЗИСОВ)**

1. Мои занятия философией, так или иначе, связаны с проблематикой «философия человека». Речь идет не обязательно о традиции философской антропологии, поскольку термин исторически занят. Речь идет о главном: *о поиске человеком своего места в мире*. С этим сталкивается каждый человек и все человечество, с онтологическим самоопределением. Заметим, именно – поиск места. То есть человек изначально есть поисковик, навигатор, который ищет себе место в мире. И оно, разумеется, не готово. Свое присутствие в мире человек еще должен осуществить, т.е. стать событием этого мира.

Для этого философия человека пытается найти адекватное этому поиску места слово. То есть надо выстраивать адекватный философский дискурс. Но дело в том, что антропология как раз имеет дело с чистой референцией: человек есть то, что и как он говорит о себе. Это в пределе. Поэтому философская антропология блуждает в поиске своего предмета, имея в своем распоряжении ряд таких авторских высказываний о человека – будь то Ницше, или Киркегор, или Хайдеггер, или Шелер, или Бахтин. Что бы ты не сказал о человеке – это будет отдельное высказывание.

А поэтому философия человека в поисках оснований либо сваливается в чистую метафизику, в дурную онтологию, в которой человека нет, а есть разговоры о его сущности, а значит не о нем самом, ответственном за свое бытие, а о тех силах, которые его детерминируют, либо в весьма редуцированные версии разного рода практик. Или вообще – в отказ, в апофатику, в которой исчезает все – и человек, и бытие, и мир. Но авторы этого апофатизма почему-то себя оставляют в этом мире. Они при этом никуда не ускользают.

Поэтому возникает проблема преодоления разрыва между онтологией и антропологией. С одной стороны, философская антропология должна быть укоренена в онтологии, то есть, речь идет об онтологии человека, его истоке и горизонте, смысле его бытия. С другой стороны, сама онтология не может строиться как метафизика, как абстрактное учение о границах, принципах и пределах. Она должна быть наполнена человеческим содержанием. Построение такой онтологически укорененной антропологии и является моим основным занятием. Все остальное – приложения и развертывания этой рамочной темы.

2. В этой связи мои антропологические исследования выстраиваются в рамках так называемой *неклассической парадигмы*, согласно которой целью антропологических поисков является не выстраивание очередной концепции о сущности человека, а выработка разного рода концептов и методов навигации человека в жизни.

Этот неклассический антропологический дискурс предполагает отказ от поиска готовой природы человека, отказ от рассмотрения его как объекта, вообще отказ от рассмотрения как стратегии. Не надо человека вообще рассматривать, строить, конструировать, изучать, формировать, куда-то вести. Это тупик.

Ему надо дать онтологическую возможности стать, быть, состояться в этой жизни. А значит – создавать условия для самоопределения и навигации. Поэтому не имеет смысла вообще выискивать некую детерминирующую его сущность, субстанцию и описывать человека в категориях готового объекта. Тогда онтология человека становится опытом построения антропологической навигации со своим методом, ключевыми опорными точками (реперами), концептуальным каркасом, инструментарием. Таким может быть словарь, состоящий из таких реперов, как онтологическая опора, онтологический исток, предельный горизонт, энергийный движитель, место, путь, навигация.

3. В этой связи предлагается версия такой антропологии – *событийная онтология*. Такая онтология человека разворачивается через концепт событийности, задающий базовый контекст рабочей онтологии человека как антропологической навигации. Концепт события рассматривается в роли концептуального медиатора, преодолевающего крайности абстрактной онтологии, с одной стороны, и излишне прагматизированной антропологии, с другой стороны.

В событийной онтологии преодолевается метафизика абстрактного человека и неукоренённость антропологических изысканий. Онтология долгое время находилась в тисках абстрактной метафизики, представляла абстрактное бытие, лишённое человеческого присутствия. А антропология, в свою очередь, ратуя за человека, представляла его лишённым бытия, его истока и смысла, представляла его частичного, недоделанного, не целостного, недотыкомку.

Опыт событийной онтологии в своё время проделывали Хайдеггер и Бахтин, каждый по-своему. Каждый решал проблему онтологического укоренения антропологии, с одной стороны, и очеловечивания бытия, с другой стороны, вводя концепт событийности. У Хайдеггера это случилось уже после «Бытия и времени». А у Бахтина сразу, в его «Философии поступка».

4. Если это так, то необходимо вырабатывать базовый метод для событийной онтологии. Таким выступает *антропологическая навигация* как метод. В рамках данной онтологии этот метод выстраивается как метод проторивания Пути и оснащения того, кто идёт по пути, составляя навигационную карту-путеводитель. Работа над методом навигации предполагает в таком случае не поиск набора категорий, с помощью которых необходимо ухватить убегающего зверя (человека), а построение точек-ориентиров

и опор, с помощью которых можно идти по незнакомой местности, прокладывая путь к самому себе, собственной личности.

Такая онтология человека может быть названа мета-антропологией, которая помогает отстраивать карту-путеводитель. Человек несет нравственную ответственность за своё бытие, т.е. за свой путь, который становится «нудительно», по Бахтину, онтологически укоренённой заботой о себе, практикой заботы. Без работы по составлению онтологического навигатора проблематично вообще говорить о человеке и понять то, что означает поиск места.

При этом антропологическая навигация отличается от привычного ориентирования тем, что там человек опирается на готовые маркеры и знаки, существующие в культуре. В мире для него эти знаки и реперы уже расставлены. Человек ориентируется на природе, как по звездному небу и розе ветров. Так он ориентируется и в культуре по уже представленным ему знакам-ориентирам: ценностям, образцам поведения, представлениям о добре и зле и т.д. Также он ориентируется и в любой сфере деятельности – в науке, искусстве, опираясь на накопленные знания, включаясь в профессиональную традицию.

В отличие от ориентирования в культуре, антропологическая навигация предполагает проторивание, протраивание маршрута, в котором нет готовых ориентиров или они оказались стёртыми, забытыми, поставленными под вопрос. Навигация в этом случае наиболее актуальна в ситуации культурной дезориентации, в которой необходима коррекция или смена ориентиров, восстановление опор, поиск и воссоздание своего места в мире, выстраивание заново всего хронотопа человека.

Но если у путника, идущего по незнакомой местности, имеются все же либо карта, по которой он может ориентироваться, либо внешние ему знаки-ориентиры, то для человека по жизни, которая по определению является незнакомой территорией (Зоной), нет и этой карты. Не может быть карты твоей жизни, поскольку тебе ее предстоит еще прожить, параллельно выстраивая маршрут и составляя карту самонавигации, ведя дневник. В этом заключается принципиальная сложность антропологической навигации: движение по «территории жизни» при отсутствии готовой карты.

Для современной же ситуации человека как раз характерен сдвиг от ориентирования с опорой на готовые знаки и символы, ценности и нормы – к навигации как проториванию маршрутов. Этот акцент актуален в более открытых, не ставших хронотопах, поскольку человек испытывает ситуацию онтологической дезориентации.

5. А потому в рамках антропологической навигации сама понятийная и терминологическая работа смещает *базовые акценты*. Словарь концепта составляется в таком случае из терминов и понятий, играющих не роль определителей, а роль указателей и ориентиров. Как писал Бибахин о Вит-

генштейне – происходит смена аспекта. То есть смена оптики требует и смены способа понятийной работы.

С одной стороны, предъявляется определенное требование к содержанию словаря концепта. Это значит, что в концепте отсутствуют такие категории, как сущность человека, человек как объект или субъект, природа человека, субстанция, процессы в человеке. Это возможно, но тогда мы человека будем описывать в традиции естественнонаучного объектного исследования-описания.

На первое место выходят такие понятия-ориентиры, как путь, место, горизонт, исток, энергия движения, навигация, событие, жизненное самоопределение, жизненная траектория, биография, автобиография, карта пути, карта личности, автор, антропопрактики заботы о себе, антропопрактики личностного строительства, репертуар антропопрактик и т.д. Эти понятия играют роль не ухватов и определителей, а роль указателей в пути. Как для водителя в дороге: для него важен не сам по себе указатель, а то, куда он показывает и расстояние до места назначения. Тогда онтология человека может быть понята как *карта Пути*, на которой помечены событийные места, из которых и составляется его автобиография. А понятия выполняют роль указателей, показывающих направление движения, способ движения мысли и действия.

По ходу движения человек составляет карту пути (варианты – ментальные карты, карты личности, картоиды), которая выступает в роли навигатора, не будучи системой и учением о бытии человека. Поэтому необходимо не просто набор терминов, словарь, а необходима смена роли этих терминов. Антропологические термины не несут в себе субстанциальности и конститутивности. Они сами по себе пусты, поскольку показывают не себя, а иное – «путь в», «движение к», направление, способ движения, интенцию. Такие категории-концепты, как личность, трансцендирование, экзистенция, событие, синергия в онтологии человека должны иметь иной статус, нежели тот, который они имеют в классических онтологиях. Они становятся регулятивными, а не конститутивными.

Терминологический каркас рабочей онтологии человека выступает в таком случае в виде регулятивного, нормативного каркаса для построения антропологического дискурса при осуществлении антропопрактик заботы в процессе навигации человека.

6. Практики навигации предполагают в свою очередь необходимость введения концепта построения так называемых *жизненных траекторий* (далее – ЖТ). Здесь антропология испытывает серьезный концептуальный дефицит. Жизненные траектории могут быть представлены в таких культурных формах, как исповедь, биография, жизнеописание, автобиография, самоотчет, дневник самонаблюдений, путеводитель и др. Жанров таких много. Но либо ими занимается литературоведение, либо историография. А

философский концепт автобиографии как навигации до сих пор не выстроен, несмотря на то, что эту тематику ввели давно еще Дильтей и Бахтин.

Для развития концепта построения ЖТ и необходима специальная концептуальная работа с таким жанром построения, как автобиография. Здесь нужно вырабатывать правила, принципы, на основании которых автобиография составляется как «способ самообъективации личности» и удержания смыслового целого автора, как писал Бахтин. Это – правила авторства, авто(само)детерминации, событийности, вертикальной связности и нормы, горизонтальной связи, неравенства самому себе. Эти правила выливаются в отдельное направление или метод, в биографический метод, в *метод просопографии* (личностные истории).

7. Тогда надо обсуждать и разрабатывать разного рода практики и инструменты такой навигации, связанной с построением ЖТ, личностных маршрутов, автобиографий. Таким может быть *антропоидный картоид* (термин географического картоида в свое время ввел Б. Родоман). Он вмещает в себе качества дневника, карты, исповеди, путеводителя. Эта работа уже совсем конкретная. Она прodelывается на антропологических семинарах-практикумах и вполне доступна и школьникам, и студентам, и взрослым.

Картоид выступает важной частью оснащения человека в его личной навигации. Так или иначе, каждый человек это делает, его составляет, т.е. производит разного рода эго-тексты, когда он пишет дневники, ведет переписку или как-то осмысляет свою жизнь. Но проработанность, масштаб, детализация и осмысленность, разумеется, будет всякий раз разными. Антрополог, в отличие от обычного человека, занимается этим профессионально. Например, так же, как человек занимается спортивным ориентированием или выживанием в незнакомой местности тот или иной тренер, проводник, спортсмен, специалист по выживанию.

8. Для содержательного разворачивания практики антропологической навигации необходимо далее выстраивать концепт и репертуар *антропопрактик заботы*. Для этого надо вводить свою топику: такие топы, как онтологический исток заботы, предмет заботы, дискурс заботы, субъект заботы, практика заботы. Причем в репертуаре антропопрактик заботы надо выделять разные практики такой заботы, в т.ч. практики агона, мимезиса, эпистофы, метанойи, автопоззиса. Фактически этим занимался М. Фуко в конце жизни, разрабатывая проект «практик себя» в «Герменевтики субъекта». Это же постоянно обсуждает П. Адо, описывающий античную философию не как историю учений, а как постоянную и разнообразную духовную практику.

9. Отдельным занятием я бы выделил мой опыт описания особой антропопрактики – *автопоззиса*. На примере творчества разных поэтов я пытался описать практику поэта, отвечая на вопрос: что человек делает, когда пишет стихи? Что с ним происходит? Есть такое понимание, что он пере-

живает опыт преобразования, используя свой арсенал поэтических средств. Здесь обсуждается проблема автора в явном и чистом виде. Проблема его творения – когда в человеке собственно и рождается автор собственной судьбы. Но для этого он должен отдать в жертву себя «ветхого» и слабого. Именно это обсуждает Выготский в своем «Гамлете».

10. Если опрокидывать в целом всю антропологическую проблематику на ситуацию человека в настоящее время, то я бы ее охарактеризовал как ситуацию *онтологической дезориентации*. Она во многом связана с соблазном, который человек испытывает при внедрении умных технологий в повседневность. Он теряет тем самым свои ориентиры и опоры. И это отдельное направление моих исследований, связанное с изучением и диагностикой ситуации человека, диагностикой ситуации на границе, между человеком и машиной, человеком и не-человеком, естественным и искусственным, жизнью и смертью.

А внедрение умных технологий в настоящее время поставило, прежде всего, вопрос об онтологических границах человека как сущего: что он есть как сущее и где пролегает граница между ним и иным сущим? Человек же, испытывая соблазн, все более поддается так называемому тренду жизненного аутсорсинга, отдавая умному устройству те функции и работы, которые проделывал ранее сам. Эта передача работ Другому означает в пределе отказ от самого себя – в пользу Другого. Тем самым ставится вопрос о границе: до каких пределов человек будет отдавать работы умному устройству, преодолев которые он сам в итоге исчезнет? Здесь как раз актуальной становится проблема плавающей границы, фронта. Граница между человеком и иным поплыла, перестала быть фиксированной и статичной. Она стала прозрачной, проницаемой, плавающей.

11. Следствием изучения такой ситуации дезориентации является практика проведения *гуманитарной экспертизы*, которая своим предметом имеет не устоявшуюся норму, а плавающую границу, поскольку привычные нормы перестают работать. Это то, чем занимался покойный Б.Г. Юдин. Он пытался развести этическую и гуманитарную экспертизу. Но на практике это пока слабо получается. При проведении разного рода экспертиз мы неминуемо сваливаемся в этическую экспертизу, стремясь защитить человека, думая о его безопасности и т.д. Но защищать становится все сложнее, поскольку сам человек постоянно переходит привычные нам онтологические границы, а потому на повестку встает уже иного типа экспертиза, связанная с перенормированием и пересмотром базовых опор или ориентиров.

12. Следствием антропологической навигации выступает и новое приложение – это разработка и проведение разного рода *форсайтных исследований*, гуманитарных и антропологических форсайтов. В практике навигации чреватым и в принципе проблемным становится будущее (в отличие от традиционных эпох, в которых будущее было предсказуемо и

прогнозируемо). Теперь же будущее принципиально не прогнозируемо и не выводится из прошлого. Его просто нет. Оно конструируется в настоящем, точнее, конструируется желаемый образ будущего. Поэтому начинают разрабатываться разного рода методы и инструменты, связанные с конструированием образов будущего (аналитика трендов, сценирование, выслушивание «слабых сигналов», выявление «диких карт», джокеров, построение дорожных карт и пр.).

Но если в случае с технологическими форсайтами эта практика худо или бедно наработана, то в случае с будущим человека дело обстоит крайне скверно. Опять же потому что форсайт человека связан с ним самим, т.е. с автором форсайта.

13. Практическими приложениями и ответвлениями в моих исследованиях выступают работы по городской антропологии, антропологии пространства, антропологии образования и др.